

Суть

Александр Анатольевич Соколянский, Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан), sokol_2001@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009275-1

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история перехода слова *суть* из системы глагола в существительное. Показывается, что предпосылки такого изменения имелись еще в раннем праиндоевропейском языке, в котором форма глагола 3 лица множественного числа приобрела иной фонетический облик за счет изменения **es* → **s*. Позднее в древнерусском языке происходит постепенная утрата форм настоящего времени от глагола *быти*. Универсальной формой становится глагол *есть*, который синтаксически может выражать настоящее время, противопоставленное другим временам (*У него была собака — У него есть собака — У него будет собака*), а также все три лица (*У тебя есть я — У тебя есть мы — У меня есть ты — У меня есть вы — У меня есть он — У меня есть они*) и два числа (*У меня есть ты — У меня есть они*). Дольше всего сохраняется противопоставление форм *есть* и *суть* как единственного и множественного числа. В грамматиках это противопоставление фиксируют едва ли не в наше время («Русская грамматика», 1980), однако реальными примерами оно, как правило, не подкреплено. Имеются указания на то, что уже в первой половине XVIII в. слово *суть* используется в значении существительного, однако убедительные примеры такого употребления не приводятся. Бесспорные примеры формирования существительного *суть* появляются только к середине XIX в. Первая словарная фиксация нового существительного происходит в 1858 г. Сегодня в реальном употреблении имеется существительное *суть*, аналогичный глагол в русском языке отсутствует. Изменение глагольной формы *суть* в существительное показывает, какими долгими и непредсказуемыми могут быть истории отдельных слов в языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *суть*, глагол, существительное, языковое изменение, словарная фиксация

для цитирования: Соколянский А. А. Суть // Русская речь. 2020. № 2. С. 92–104. DOI: 10.31857/S013161170009275-1.

From the History of the Russian Language

Sut'

Alexander A. Sokolyansky, North-Eastern State University (Russia, Magadan), sokol_2001@mail.ru

ABSTRACT: The article analyzes the transformation of the word *sut'* from a verb to a noun. The prerequisites for such change existed in the early proto-Indo-European language, in which the 3rd person plural form of the verb acquired a different phonetic appearance due to the change **es* → **s*. Later the present tense forms of the verb *byti* gradually disappeared from the old Russian language. The verb *jest'* became the universal form, which can syntactically express the present tense opposed to other tenses (*U nego byla sobaka* 'he had a dog' — *U nego jest' sobaka* 'he has a dog' — *U nego budet sobaka* 'he will have a dog'), as well as all three grammatical persons (*U men'a jest' sobaka* 'I have a dog' — *U teb'a jest' sobaka* 'you have a dog' — *U nego jest' sobaka* 'he has a dog') and two grammatical numbers (*U men'a jest' sobaka* 'I have a dog' — *U nas jest' sobaka* 'we have a dog'). The opposition of the forms *jest'* and *sut'*, where *jest'* represents a singular form and *sut'* the plural one, remained the longest. It is still fixed in some modern grammars, such as "Russian grammar", 1980, but it is not supported by any examples of modern usage. There were several indications that the word *sut'* was used as a noun in the first half of the 18th century. However, they are not supported by convincing examples. Indisputable examples of using *sut'* as a noun only appeared in the middle of the 19th century. In 1858 the word was fixed in the dictionary as a noun. In modern Russian language there is a noun *sut'*, while such verb doesn't exist anymore. The way the verb *sut'* has transformed into a noun proves how long and unpredictable the history of words in a language can be.

KEYWORDS: *sut'*, noun, linguistic change, vocabulary retention

FOR CITATION: Sokolyansky A. A. *Sut'*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 92–104. DOI: 10.31857/S013161170009275-1.

1. ● Нередко слова из одной части речи переходят в другую. Для английского языка переход глагола в существительное и обратно — обычный процесс. По подсчетам С. Пинкера, до одной пятой глаголов английского языка были когда-то существительными. Так, название почти всех частей тела английского языка имеет глагольное соответствие: *head* ‘голова’ — *head a committee* ‘возглавлять комитет’, *mouth* ‘рот’ — *mouth the lyrics* ‘читать стихи’ и др. [Пинкер 2004: 360]. Легкость перехода обусловлена аналитическим строем языка: формальные показатели глаголов и существительных в английском языке не противопоставлены друг другу. Их просто нет. Иное дело русский язык, в котором морфологические показатели «нависают» над каждой частью речи. Чтобы сделать из существительного глагол, недостаточно изменить синтаксическую позицию слова, надо и морфологически его «оглаголить»: *жена* — *женить*, *стекло* — *стеклить*, *госпиталь* — *госпитализировать*. Понятно, что к инфинитиву прилагается весь комплект глагольных форм: *женить* — *женю*, *женишь*, *женил* и др. От глагола к существительному переход в русском языке более затруднен. Избавление от глагольности происходит за счет так называемой нулевой суффиксации: *выходить* — *выход*, *смотреть* — *смотр*. Помимо значения и синтаксической функции в русском языке у слов меняются грамматические формы. Есть и другие случаи перехода частей речи, когда не происходит внешней смены морфологических показателей: *столовая* и *рабочий* когда-то были прилагательными, но сегодня это существительные, так как за ними закрепилось особое лексическое значение и в предложении они не зависят более от существительных. Мы говорим *Рабочий зашел в столовую*, а не *Рабочий человек зашел в столовую комнату*.

2. Интересно, имеются ли в русском языке примеры, когда переход глагола в существительное осуществлялся без изменения внешних морфологических показателей? Обычно пишут о том, что существительное *суть* образовано от глагола, но исторические нюансы этого процесса не анализируются. Остановимся на этом явлении подробнее.

Слово *суть* в русском языке прошло удивительный путь: рожденное когда-то в праиндоевропейском языке глаголом, оно в русском языке превратилось в существительное, причем произошло это относительно недавно, во второй половине XIX в.

Путь от глагола к существительному у слова *суть* был долг, начался он несколько тысяч лет назад.

3. **Формирование особого корня (супплетивного).** Первоначально произошло формирование особого корня для глагола 3 лица множественного числа. Настоящее время от глагола *быть* когда-то в праиндоевро-

пейском языке образовывалось от корня *es¹. Оно имело не только формы единственного и множественного чисел, но и двойственного числа, которое служило для обозначения двух предметов или парных предметов (типа *роза, уши, ворота*). Парадигма форм настоящего времени от глагола *быть* выглядела, по предположениям ученых, следующим образом:

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	*ēs-mī	*ēs-vē	*ēs-mū(s)
2 лицо	*ēs-sī	*ēs-tā	*ēs-tē(s)
3 лицо	*ēs-tī / *ēs-tū	*ēs-tē	*s-ntū / *s-ntī

Такая реконструкция делается на основе анализа употребления этих форм в индоевропейских языках. Например, форма глагола *есть* в других индоевропейских языках выглядит как *ás-ti* — санскрит, *ἐσ-τί* — древнегреческий, *eš-zi* — хеттский, *es-t* — латинский, *is-t* — готский, *ѣс-тъ* — древнерусский. На основании анализа этих и ряда других примеров ученые приходят к выводу, что в праиндоевропейском языке эта форма выглядела как *ēs-tī. В то же время в ряде языков, включая родственный нам старославянский язык, употреблялось «твердое» окончание, что вынуждает ученых для праиндоевропейского языка допускать возможность существования еще одной формы — *ēs-tū.

Глагол *суть* уже на этом этапе выпадает из общей картины: все другие глаголы содержат корень *es, а этот глагол включает в себя только *s. Каково соотношение между этими корнями? Посмотрим, как слово со значением 'суть' выглядело в других индоевропейских языках: *s-ánti* — санскрит, *εἰσί(v)* — древнегреческий, *aš-anzi* — хеттский, *s-unt* — латинский, *s-ind* — готский, *c-ŕmь* — древнерусский. В приведенных примерах также сохраняется противопоставление «мягкого/твердого» окончаний. Обратим внимание на хеттский глагол, где в данной форме обнаруживаем корень *aš-, тогда как в других индоевропейских языках видим просто форму с *s. Хеттская форма позволяет нам прийти к выводу, что в глубочайшей древности глагол со значением 'суть' включал в себя корень *es, который позднее изменился в *s. Это же подтверждает древнегреческая форма, но она подверглась большему фонетическим изменениям, поэтому

¹ В лингвистике * (звездочкой) принято обозначать формы слов или их частей, которые уже не встречаются в известных нам языках, но о существовании которых в далеком прошлом можно говорить с высокой долей вероятности. Можно сказать, что «под звездочкой» записываются «лингвистические динозавры». Древних динозавров тоже никто не видел (в нашем распоряжении имеются только костные останки), что не мешает нам представлять динозавров «целиком».

и не столь прозрачно, как хеттский язык, указывает на древнее состояние. Таким образом, глагол со значением 'суть' стал противопоставлен всем другим формам своей же парадигмы.

4. Утрата глагольных форм 1 и 2 лица. В древнерусском языке слово *суть* входило в парадигму настоящего времени от глагола *быти*, изменялось оно так.

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	єсмь	єсвѣ	єсмь
2 лицо	єси	єста	єсте
3 лицо	єсть	єста	соуть

Сегодня от глаголов настоящего времени от *быти* осталось только слово *есть* (у меня *есть* слон) и существительное *суть*. Глаголы со значением бытийности выполняли в древнем языке две основные функции: 1) вспомогательный глагол в составе перфекта, 2) связка в составе именного сказуемого.

Рассмотрим оба употребления.

В древнем языке была особая глагольная форма прошедшего времени — перфект. Эта форма обозначала действие, начатое в прошлом и имеющее результат в настоящем. По значению к перфекту близки такие современные употребления: *Молоко прокисло. Тучи нависли*. Действительно, вот оно прокисшее молоко перед нами, но процесс его прокисания происходил в прошлом. В настоящем — результат этого процесса. Тучи над нами нависают сейчас, а само формирование этого состояния принадлежит прошлому.

Образовывался перфект с помощью глагольной связки и особой формы с суффиксом *л*. Пример перфекта глагола *нести* в мужском роде.

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	азь єсмь неслъ	вѣ єсвѣ неслѣ	мы єсмь несли
2 лицо	ты єси неслъ	ва єста неслѣ	вы єсте несли
3 лицо	онь єсть неслъ	она єста неслѣ	они соуть несли

Местоимение в таких конструкциях использовалось редко, чаще писали просто *єси неслъ*, а не *ты єси неслъ*. Уже в памятниках XI в. связка стала в древнерусских текстах утрачиваться. Через какое-то время она

совсем исчезла. Употребление стало таким же, как и в современном русском языке. Запись 1068 г. на камне, который был найден в XVIII в. на берегу Керченского пролива, гласит, что князь Глеб по льду измерял ширину пролива (именно в этом месте сейчас построен мост, соединяющий Кубань и Крым). Интересующий нас фрагмент записан так: *гльбѣ князь мѣрилъ м[оре] по льдѣ*. Здесь глагольная связка *ѣсть* уже отсутствует. Дольше глагольная связка в имперфекте употреблялась в книжных текстах.

Несколько иная судьба у этих глаголов была в конструкциях, где они выражали связь между подлежащим и сказуемым. Сегодня мы не употребляем связку в таких предложениях, как: *Москва — столица нашей родины. Эта собака кусачая. Я учитель.*

В древности здесь чаще связку употребляли. «В памятниках XI–XIV вв. сказуемое, выраженное существительным и прилагательным, употребляется в целом чаще со связкой, чем без связки... Связка употребляется в формах 1, 2 и 3 лица и в самых различных окружениях...» [Борковский (ред.) 1978: 74]. При этом важно то, что связка согласуется с формой подлежащего в лице и числе.

слъзы бо соутъ даръ бѣжи ‘потому что слезы дар Божий’

Подлежащее *слезы* стоит в форме множественного числа, поэтому вполне уместно появление слова *сутъ* в форме множественного числа 3 лица.

азъ есмь архистратигъ господень ‘я архистратиг Господень’

В этом случае форма *есмь* также согласуется с подлежащим в лице и числе.

Вместе с тем появляются и конструкции, в которых отсутствует связка.

Так, в «Слове о полку Игореве» читаем: *одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты Игорю*. Глагольная связка отсутствует.

В книжных текстах связка сохранялась дольше. «Преобладание связочных конструкций над бессвязочными наблюдается прежде всего в житийной литературе, где особенно сильны книжные традиции. По-видимому, употребление связки в определенной части русских памятников поддерживалось влиянием старославянского языка, для которого связочные конструкции были обычны» [Борковский (ред.) 1978: 75].

В более позднее время тенденция употребления связочных конструкций в книжных текстах и их устранения в бытовых текстах еще более усиливается.

Итак, книжные тексты сохраняют спряжение глагола *быти* в настоящем времени в виде связки длительное время. В XVII в. появляются первые грамматические описания церковнославянского языка, и в них

зафиксирована полная парадигма глагола *быти* в настоящем времени. Вот примеры из Грамматики Лаврентия Зизания (1596):

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	есмъ	есва	есмо, -ы
2 лицо	еси	еста	есте
3 лицо	есть	еста	сѣтъ

[Кузьмина (сост.) 2000: 97].

Появление «твердых» форм *естъ* и *сѣтъ* связано с влиянием церковнославянского языка, в живой речи звучало *јест’* и *сум’*.

На этом этапе имеются все основания выделять в большинстве из представленных глаголов корень и окончание: *јес-мь*, *је(с)-си*, *јес-тъ*, *јес-вѣ*, *јес-та*, *јес-мъ*, *јес-те*. Форма *сумъ* оказывается изолированной. Как уже было сказано ранее, ее корень возникает в результате изменения **es > *s*.

Несколько позднее (1696 г.) в Лондоне издается Грамматика Г. Лудольфа, ориентированная не на книжный, а на разговорный язык. Он отметил отсутствие связки в разговорной речи: «...настоящее время от глагола *быти* в общей разговорной речи почти не употребляется, за исключением, впрочем, конструкции вроде латинской — *есть у мене* (*est mihi*). Так говорят: *есть ли у тебя денги?*» [Лудольф 1937: 127].

Очень ценно такое замечание: «Есмъ, еси, есть обычно опускаются, например, *Я сѣтъ, аль ты дуракъ? онъ гораздо богатъ*» [Лудольф 1937: 127]. Грамматика Г. Лудольфа написана на латинском языке, поэтому вместо употребленных в переводе слов *есмъ*, *еси*, *есть* в подлиннике стоят латинские эквиваленты этих слов *sum*, *es*, *est*.

Таким образом, книжная речь в целом сохраняла связку, а бытовая ее явно избегала. При этом в тех случаях, когда связка употреблялась, она теряла свои глагольные признаки.

Мы сегодня говорим: *У тебя есть я. У тебя есть мы. У меня есть ты. У меня есть вы. У меня есть книга. У меня есть книги.* В приведенных примерах меняется синтаксическое лицо и число, а глагольная форма везде сохраняется.

Перед нами неизменяемый глагол. Правда, до самого последнего времени составители грамматик стремились сохранить оппозицию форм *есть* и *сумъ* как глаголов, противопоставленных по числу. Так, в учебнике по морфологии 1952 г. писалось: «*Быть* — вспомогательный глагол, а также глагол существования. Будущее время к нему образуется от другого корня — *буду*. Настоящее время также образуется от другого корня, но

и в современном языке употребляется лишь в 3-м лице единственного числа (форма *есть*) и очень редко в 3-м лице множественного числа (форма *суть*). Последнее главным образом в научных определениях, например: *Пусть, $p_1, p_2, p_3, p_n \dots$ суть простые числа...* Употреблялась эта форма и в языке классической литературы начала XIX в., например: *Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные* (Пушкин. Станционный смотритель)» [Виноградов (ред.) 1952: 279].

Такая же информация содержится в «Грамматике русского языка» под редакцией В. В. Виноградова. В разделе, посвященном морфологии, читаем: «Настоящее время глагола *быть* представлено в современном литературном языке лишь двумя формами 3-го лица единственного и множественного числа — *есть* и *суть* (форма *суть* ограничена в синтаксическом употреблении — в научных определениях в роли связки)» [Виноградов, Истрина, Бархударов (ред.) 1960а: 575].

Аналогичная информация содержится в разделе синтаксиса: «Глагол *быть* в современном русском языке утратил формы 1-го и 2-го лица обоих чисел; для выражения наличия, существования, бытия во всех личных значениях и в обоих числах употребляется форма *есть* (в значении “наличествует, существует, имеется”)» [Виноградова, Истрина, Бархударов (ред.) 1960б: 389].

И далее: «В предложениях со значением настоящего времени сказуемое — имя существительное в именительном падеже — может соединяться с подлежащим посредством глагольной связки *есть* (реже — *суть*). Такие предложения употребляются главным образом в научном и официальном стилях, а также вообще в книжной речи, там, где необходимы четкие и краткие формулировки-определения» [Виноградов, Истрина, Бархударов (ред.) 1960б: 419]. Далее следует страница примеров, но среди них нет ни одного со словом *суть*. Это означает, что уже в середине XX в. слово *суть* потеряло все глагольные свойства, хотя в грамматических сочинениях и пытались напоминать о глагольном прошлом этого слова.

В результате глагол *есть* становится универсальной формой настоящего времени, но универсальность ему досталась дорогой ценой: глагол потерял важнейшие глагольные признаки — лица и числа. Он превратился в застывшую форму настоящего времени, что подтверждает «Русская грамматика»:

«Формы наст. вр. гл. *быть*, образуемые супплетивно, в современном языке, кроме форм 3 л. ед. и мн. ч. *есть* и *суть*, не употребляются. Форма *суть* употребительна как вспомогательный глагол в официальной, научной или архаизированной речи. Форма *есть*, вследствие утраты других форм наст. вр. гл. *быть*, употребляется не только в знач. 3 л. ед. ч., но

и знач. всех лиц ед. и мн. ч.: *Кто ты е с т ь?* — говорил он... — *Не больше как мальчишка, сирота* (Горьк.); *Там е с т ь хорошие вещи,* — сказала матушка, опуская руки в чемодан (А. Н. Толст.)» [Шведова (гл. ред.) 1980: 663]. Интересно то, что и здесь говорится о существовании глагола *суть*, но примеры употребления также не приводятся.

5. Переход глагольной формы *суть* в существительное. Судьба глагола *суть* оказалась чрезвычайно интересной: он не просто утратил глагольные признаки лица, числа и времени, но и лишился всех позиций употребления. Только ученые помнили о его прошлом и иногда употребляли эту форму в научных определениях, подобных тому, что было приведено ранее.

Захватив глагольные позиции в конструкциях типа *У меня е с т ь собака* и *У меня е с т ь собаки*, глагол *е с т ь* перестал быть изменяемым, но при этом он вовсе вытолкнул глагол *суть* за пределы глагола. Бывший глагол *суть* лишился форм лица, числа, времени, глагол *е с т ь* лишился форм лица и числа, но сохранил значение настоящего времени. Сравним три предложения: *У меня была собака* — *У меня е с т ь собака* — *У меня будет собака*. В этой синтаксической парадигме глагол *е с т ь* явно сохраняет значение времени. У бывшего глагола *суть* такой позиции нет. Вероятно, судьба этого глагола, как и других глаголов из той же парадигмы (*е с м ь*, *е с и* и др.), была предопределена. Он должен был уйти из языка. Но случилось почти чудо. Обобранное со всех сторон как глагол (без числа, лица и времени) слово *суть* было принято за существительное.

Пока глагол *суть* соотносился с формой *ј е с т ь*, можно говорить об ослабленной членимости обоих глаголов: *су-ть* и *ј е с -ть*. В единственном числе членимость глагола *ј е с -ть* поддерживалась существованием таких форм, как *да с т ь* 'он даст', *ј е с т ь* 'он ест'.

Потеряв все глагольные свойства и позиции, глагол *суть* перешел в существительные. Когда это произошло? «Словарь современного русского литературного языка» 1963 г. отсылает нас к словарю Вейсмана [Филин (гл. ред.) 1963: 1225]. Это «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка...», изданный в 1731 г. Современный читатель (если таковой найдется для столь специфического словаря!) будет удивлен его строением. Этот необычный словарь составлен следующим образом: помимо обычных словарных статей даются слова и даже целые фразы на немецком и латинском языках, а далее их пояснения (даже не совсем перевод!) на русском языке.

В словаре 1963 г. в качестве доказательства того, что слово *суть* употребляется как существительное, приведен только один пример из словаря Вейсмана: *вся суть в ь мире* [Филин (гл. ред.) 1963: 1225]. Кажется,

что в этом случае слово *суть* не может являться глаголом, так как форма множественного числа *суть* не согласуется с формой единственного числа местоимения женского рода *вся*. При таком понимании *суть* — существительное, а *вся* — согласованное с ним местоимение женского рода.

Однако не будем торопиться с выводами. Целиком русская часть этой словарной статьи выглядит следующим образом: *взаимно и худо и добро: вся суть въ міръ* [Вейсман 1731: 106]. Обратим внимание на местоимение *вся*. Обычно местоимение употребляется в тексте вместо существительных. В нашем случае местоимение заменяет существительные *худо* и *добро*. Оба слова среднего рода. Местоимение, к ним относящееся, должно находиться в форме множественного или двойственного числа. Форма двойственного числа, судя по всему, была утрачена этим местоимением довольно рано и не употреблялась даже в церковном языке. Так, Мелетий Смотрицкий (1619), давая парадигму местоимения *весь*, о форме двойственного числа пишет *лишáетсѧ* 'утрачивается' [Кузьмина (сост.) 2000: 249–250]. Множественное число в книжных текстах от *все* — *вся*. Поэтому в приведенном примере *вся* не определение к слову *суть*, а подлежащее при глаголе *суть* в форме множественного числа третьего лица. Тогда перевод всей фразы на современный русский язык такой: *Взаимосвязано и хорошее, и плохое. Всё есть в мире*. Проанализированные другие примеры употребления слова *суть* из словаря Вейсмана не позволяют определенно говорить о переходе глагола *суть* в существительное.

В пользу принятого нами решения говорит и то, что следующая словарная фиксация слова *суть* в значении существительного относится только к 1858 г. В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» читаем: «**СУТЬ**, в знач. с[уществительного] ж[енского]. Дело, в выражении: *не в том суть* — не в том дело. С и б и р.» [Опыт... 1858 II: 261]. Слова *суть* в значении существительного нет ни в «Словаре Академии Российской» (конец XVIII в.), ни в «Словаре церковнославянского и русского языков» (1847 г.).

Не употребляется слово *суть* в значении существительного и у писателей начала XIX в. В. В. Виноградов, посвятивший этому слову несколько страниц своих наблюдений, приходит к выводу: «Слово *суть* не было включено ни в один толковый словарь русского языка до словаря В. И. Даля. Оно не встречается в языке Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Следовательно, можно думать, что оно получило права литературного гражданства не ранее 30–40-х годов XIX в., иными словами — оно вошло в русский литературный язык вместе с потоком других профессиональных и народных выражений, подхваченным и расширенным реалистической художественной литературой»

[Виноградов 1994: 673]. Как ясно из предыдущего изложения, В. В. Виноградов не обладал полной информацией, так как это слово еще до В. И. Даля зафиксировано в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» в 1858 г.

В самом же словаре В. И. Даля рассматриваемое слово получает такое толкование: «**Суть** ж. сущность, существо, самость, основанье, самое главное, важное въ дѣлѣ; зерно, ядро, нутро. *Дойти до сути. Самая суть бытія отъ насъ сокрыта. Суди по сути*» [Даль 1882: 365]. В отличие от «Дополнения...», в котором слово получает территориальную привязку *Сибир.*, В. И. Даль таких ограничений не дает. Скорее всего, в данном случае прав В. И. Даль. Каких-то сибирских следов слово *суть* не обнаруживает.

В. В. Виноградов находит слово *суть* у П. А. Вяземского (1882), у А. А. Фета (1891) [Виноградов 1994: 673]. Однако Национальный корпус русского языка показывает, что употреблять слово *суть* в качестве существительного начали несколько ранее творчества этих авторов.

«Там у нас много суетятся, но заботятся только об очищении бумаг, о быстрой циркуляции их, до *сутьи* же вещей никто не доходит» (А. В. Никитенко. Дневник. Том 1. 1826–1855).

«Заметно было, что в Петербурге не поняли *сутьи* варшавского мятежа...» (Н. И. Голицына. Воспоминания о польском восстании 1830–1831. 1837).

«Например, мы легкомысленнейшим образом проповедуем уничтожение общины — одной из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий *сутьи* народа» (Ф. М. Достоевский. Записные книжки. 1850–1881).

Следует согласиться с В. В. Виноградовым в том, что «на форме *суть* лежал архаический налет отживающей книжности. Конечно, она была больше всего распространена в таких стилях речи, как официальный, канцелярско-деловой, или в стилях ученой и учебной речи. Таким образом, превращение архаической формы глагола *суть* в имя существительное могло произойти только в книжном, письменном языке и, как можно догадываться, в учебно-школьном и канцелярском его стилях (ср. *не суть важно*)» [Виноградов 1994: 675].

6. Мы уже определили, что только ближе к середине XIX в. слово *суть* употребляется в русском языке в качестве существительного. Получается, что оно — одно из самых поздних по времени появления слов с этим корнем. Изменение глагольной формы *суть* в существительное показывает, какими долгими и непредсказуемыми могут быть истории отдельных слов в языке.

Источники

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон... СПб.: Изд-во Имп. АН, 1731. 788 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. СПб.–М.: Тип. Вольфа, 1882. 683 с.

Лудольф Г. Русская грамматика. М.: Тип. «Коминтерн», 1937. 165 с.

Опыт... — Опыт областного великорусского словаря и Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. (Репринт. изд. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук Санктпетербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1852; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Санктпетербург: Второе отд-ние Имп. Акад. наук, 1858). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 637 с.

Литература

Борковский В. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 447 с.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). Грамматика русского языка. В 2 т. Т. I. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960а. 719 с.

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). Грамматика русского языка. В 2 т. Т. II. Синтаксис. Ч. I. М.: АН СССР, 1960б. 702 с.

Виноградов В. В. (ред.). Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1952. 520 с.

Кузьмина Е. А. (сост.). Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000. 528 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 456 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 14. М.–Л.: АН СССР, 1963. 1390 стб.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. В 2 т. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

References

Borkovskii V. I. (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 447 p.

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian literary language]. V 17 t. Vol. 14. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1963. 1390 p.
- Kuz'minova E. A. *Grammatika Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammar of Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotritskiy]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2000. 528 p.
- Pinker S. *Yazyk kak instinkt* [The Language Instinct]. Moscow, Publ. House «LIBROKOM», 2009. 456 p.
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. I. *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
- Vinogradov V. V. (ed.). *Sovremenniy russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1952. 520 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.
- Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (eds.). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. I. *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. M.: AN SSSR, 1960. 719 p.
- Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (eds.). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. II. *Sintaksis* [Syntax]. CH. I. Moscow, AS USSR Publ., 1960. 702 p.